

А.Л. Смышляев

CIVILIS DOMINATIO: РИМСКИЙ НАМЕСТНИК В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ*

Как правило, историки, изучающие систему управления провинциями в эпоху Принципата, рассматривают повседневную гражданскую (а не военную) деятельность наместников в определенном ракурсе, сосредоточивая свое внимание на ее судебных и административных аспектах, а остальные либо полностью игнорируя, либо в лучшем случае только упоминая¹.

Таким образом, объектом исследования обычно оказывается лишь управленческая деятельность, причем в более или менее привычном для нас смысле этого слова без учета ее исторической специфики, а также ее социального и социально-психологического контекста.

Между тем современные исследования характера и сущности императорской власти наглядно демонстрируют плодотворность иного, комплексного подхода к изучению раннеимперской государственности. Как показал Ф. Миллар, для адекватной оценки государственной деятельности императора, ее необходимо рассматривать в разных аспектах, а не только в сугубо управленческих, принимая при этом во внимание ее материальный и социальный контекст, а также ожидания и представления подвластных². По мнению А. Уоллес-Хэдрилла, принцепс предстал перед подданными в образе как харизматического монарха, так и республиканского магистрата³. В качестве последнего он должен был постоянно демонстрировать свое уважение к римскому народу, к его традиционным институтам и традиционной системе ценностей – свою гражданственность (*civilitas*). Поэтому соответствующее поведение и участие в различных гражданских церемониях представляли собой один из важных компонентов деятельности принцепса по управлению государством⁴.

Ф. Жак и Дж. Шайд отметили, что принцепс был не абсолютным монархом, но

---

* Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на Международном симпозиуме «Древние империи и имперские идеологии» (9–10 сентября 1996 г. ИВИ РАН) и напечатана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта 96-01-00508). В подготовке этой статьи автору очень помогла работа в Американской школе классических исследований в Афинах, руководству которой он выражает глубокую признательность.

¹ Весьма характерно следующее высказывание Г. Бартон – признанного авторитета в этой области: «В соответствии с тем, что от них ожидалось, наместники должны были в *дополнение* (курсив мой. – А.С.) к осуществлению публичной власти участвовать в крупнейших церемониальных, религиозных и социальных мероприятиях своей провинции и составляющих ее общин» (*Burton G.P. Provincial Procurators and the Public Provinces // Chiron. 1993. Bd. 23. P. 25*). Здесь явно подразумевается, что церемониальная этикетная деятельность наместника была чем-то второстепенным и внешним по отношению к собственно управленческой.

² *Millar F. The Emperor in the Roman world (31 BC – AD 337). L., 1977. Pass.* О концепции Ф. Миллара см. *Смышляев А.Л. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии // РЖ ИНИОН. Общественные науки за рубежом. Государство и право. 1991. № 5. С. 67–78.*

³ *Wallace-Hadrill A. Civilis princeps. Between Citizen and King // JRS. 1982. 72. P. 32 ff.*

⁴ *Ibid. P. 36 ff.; idem. Suetonius. The Scholar and his Caesars. L., 1983. P. 163 f.*

носителем особых публичных полномочий аналогичных полномочиям магистрата, а его общественная деятельность осуществлялась в рамках традиционных институтов и в соответствии с ними; он всегда мог добиться от сената и народа всего, чего хотел, но именно от них и с помощью средств, санкционированных обычаем⁵. «Пленник и владыка институционной системы, от которой никто не желал отказываться ... принцепс управлял государством, которое не было ни республикой Помпея, ни монархией»⁶.

Эти наблюдения и выводы, на мой взгляд, имеют также непосредственное отношение к правителям иного ранга и в первую очередь к наместникам провинций. Ведь их положение в некоторых аспектах было сходным с положением принцепсов. Хотя наместники не были магистратами в строгом смысле этого слова⁷, они обладали подобным же рода властью и полномочиями⁸. По словам значительнейшего и авторитетнейшего юриста Прокула, наместник должен замещать в провинции всех римских магистратов и исполнять их обязанности⁹. В повседневной речи наместники нередко именовались «магистратами» или «преторами»¹⁰. Апулей говорит о проконсуле Африки, завершающем свою службу в провинции, что тот уже почти закончил срок своего консульства (Apol. 94).

Так же как император в Риме, наместник в провинциальном городе осуществлял свою власть в соответствии с устоявшимися обычаями, имея в качестве своих визави традиционные институты городского самоуправления и поддерживая тесное сотрудничество с представленными в них городскими элитами¹¹.

Как я пытался показать ранее, уже при вступлении в провинциальный город наместник, следуя общепринятому этикету, вел себя наподобие городского магистрата, вступающего в должность¹². В представлении граждан этого города он мог даже отождествляться с высшим городским магистратом¹³. Очевидно, и подобные

---

⁵ Jacques F., Scheid J. Rome et l'intégration de l'Empire 44 av. J.-C. – 260 ap. J.-C. T. I. Les structures de l'Empire romain. P., 1990. P. 32, 84.

⁶ Ibid. P. 109.

⁷ Проконсулы «сенатских» провинций были промагистратами, а остальные наместники – помощниками промагистрата, т.е. принцепса, считавшегося проконсулом императорских провинций. Юристы упоминают отдельно среди тех, кто вершил правосудие, «магистратов Народа римского» и «президов провинций» (Gai. Inst. II. 24; D. 11. 1. 4. 1; 42. 1. 15 pr.-1; 50. 16. 131. 1).

⁸ Гай называет власть преторов и наместников «магистратским империем» (Inst. I. 99) и постоянно проводит параллели между полномочиями претора в Риме и наместника в провинции (Inst. I. 6, 20, 29, 101, 105, 134, 185, 200; II, 24, 278; IV. 139). В своем комментарии к провинциальному эдикту он использует слова «претор» и «проконсул» почти как взаимозаменяемые (Honoré A.M. Gaius. Oxf., 1962. P. 89). Параллели подобного рода можно найти и у других юристов. Тацит именует власть наместника «преторской властью» (ius или vis) praetoris. (Ann. II. 56.4; 77.1; IV. 15.2).

⁹ «...omnium Romae magistratum vice et officio fungi debeat» (D. 1. 18. 12; ср. D. 1. 16. 7. 2; 1. 18. 10).

¹⁰ Магистратами называли либо всех наместников, либо только тех, кто имел сенаторский ранг (Vell. Pat. II. 126.4; Tac. Dial. 36. 22. 5; Ann. I. 2. 2; II. 54; III. 33. 1; 34. 3; IV. 6. 4; 20. 4; XII. 60. 2; XIII. 31. 3; XV. 20. 3; 21. 4; Suet. Aug. 47; Tib. 12. 2; Claud. 23. 2; Fronto. Ad M. Caes. 1. 6. 3 (Naber, p. 13). В греческих текстах, не являющихся официальными документами, наместник часто именуется ἀρχων, т.е. «магистрат» или «высший магистрат» (Mason H.J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974, P. 111. ff.). «Преторами» могли называть всех наместников сенаторского ранга (Tac. Ann. I. 74. 1; IV. 43. 3; 45. 1; XV. 25. 3). Греческие авторы вплоть до начала II в. н.э. нередко называли наместника (так же как и претора) «στρατηγός» (Mason. Op. cit. P. 12, 155 ff.).

¹¹ О зависимости наместника от помощи со стороны местных городских властей см. Jacques F. Le privilège de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l'Occident romain (161–244). Roma, 1984. P. 343; Burton G. Government and the Provinces // The Roman World. V. I. L.-N.Y., 1987. P. 424 ff.; Lintott A. Imperium Romanum. Politics and administration. L.-N.Y., 1993. P. 129; Shulte C. Die Crammateis von Ephesos. Schreiberamt und Sozialstruktur in einer Provinzhauptstadt des römischen Kaiserreiches. Stuttgart, 1994. S. 56 ff.

¹² Смышляев А.Л. Вступление наместника в провинциальный город: церемония adventus по Ульпиану // ВДИ. 1991. № 4. С. 106–117.

¹³ Dio Chrys. Or. 34. 40–42; Jones C.P. The Roman World of Dio Chrysostom. L., 1978. P. 78 ff.; Смышляев. Вступление наместника... С. 116.

представления, и сам статус наместника, и окружающая его обстановка должны были воздействовать на его поведение и деятельность и после вступления в город¹⁴. Возникает вопрос, в какой мере поведение наместника в провинциальном городе, – его деятельность, и образ действий, определялись представлениями о нем как о магистрате и связанными с этим ожиданиями, и как все это сказывалось на осуществлении им своих властных полномочий. Если верить Тациту, у хорошего наместника время четко делилось на две части: работу и отдых (*iam vero tempora curarum remissionumque divisa...*) – со своим стилем поведения для того и другого (Agr. 9.3). Поскольку оба аспекта деятельности наместника невозможно рассмотреть в рамках одной статьи, ограничимся разбором его поведения только в рабочее время.

Как правило, современные исследования, посвященные римскому провинциальному управлению эпохи Принципата, основываются в первую очередь на эпиграфических и папирологических свидетельствах, которые при всей своей ценности с большим трудом поддаются обобщению, вследствие присущей им географической и хронологической разрозненности и фрагментарности. Построить только с помощью таких локальных данных общую модель поведения наместника провинции едва ли возможно.

Основой данной работы стали источники иного рода – сочинения римских юристов II – начала III в. н.э.¹⁵ Прежде всего это – сохранившиеся лишь в виде отдельных фрагментов трактаты-инструкции «Об обязанностях (или "О должности...") наместника провинций», авторы которых, используя различные правовые акты (и в первую очередь императорские письма, рескрипты и мандаты), а также апеллируя к устоявшейся практике управления, дают рекомендации наместникам. Особое значение имеет самый подробный и лучше всех сохранившийся трактат Ульпиана «De officio proconsulis», в котором речь идет о деятельности наместников всех провинций, а не только «сенатских»¹⁶.

К трактатам «Об обязанностях наместника» и хронологически, и тематически, и по жанру очень близки юридические сочинения сугубо практической направленности, ориентированные на повседневную судебную практику и посвященные административному, уголовному, процессуальному праву, – сохранившиеся также только в отдельных фрагментах трактаты «О наказаниях...», «Об апелляциях...», «О судебных расследованиях»¹⁷. Не менее важны «Институции» Гая, который уделял больше внимания, чем другие юристы, применению римского права в провинциях и правовой деятельности наместников¹⁸. И трактаты-инструкции и «Институции» представляют собой учебные руководства, в которых разбираются и комментируются главным образом не самые сложные и запутанные, а элементарные, наиболее часто встречающиеся на практике вопросы и ситуации. Таким образом, работа по обобщению конкретного материала и выделению самых распространенных казусов и способов их решения в значительной мере уже проделана за нас римскими юристами.

¹⁴ Насколько мне известно, первым обратил на это внимание Н. Перселл, отметивший, что поскольку во главе провинций ранней Империи стояли «магистраты», сохранялось и уважительное отношение к подданным, полагавшееся свободным, а римское правление по-прежнему имело не прямой характер (*Purcell N. The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World / Ed. J. Boardman. et al. Oxf. – N.Y., 1986. P. 566*).

¹⁵ Свидетельства римских юристов наряду с данными иного рода неоднократно использовались историками, но основой для изучения деятельности наместников они были лишь в небольшой монографии Г. Майероу, представляющей собой не столько самостоятельное исследование, сколько сводку правового материала, в которой данные разных периодов привлекаются без каких-либо оговорок для характеристики провинциального управления при Юстиниане (*Mierow H.E. The Roman Provincial Governor as he appears in the Digest and Code of Justinian. Colorado Springs, 1926*).

¹⁶ *Jacques*. Op. cit. P. 665; *Смышляев А.Л.* Домиций Ульпиан и его трактат «Об обязанностях проконсула» // ВДИ. 1985. № 4. С. 225.

¹⁷ *Wlassak M.* Zum Römischen Provinzialprozes. Wien, 1919. S. 21, 72 ff.; *Schulz F.* Geschichte der römischen Rechtswissenschaft. Weimar, 1961. S. 164 f., 313.

¹⁸ *Honoré*. Op. cit. P. 88 ff.

То же самое можно сказать и об авторах тех литературных памятников, в которых наряду с конкретными данными о деятельности наместников можно обнаружить множество устоявшихся стереотипов, клише, общих мест. Это – в первую очередь сочинения риторического характера (речи, риторические руководства), либо работы, написанные в риторическом ключе. По большей части они, так же как и юридические трактаты, относятся ко II – началу III в. н.э. – эпохе расцвета не только классической юриспруденции, но и второй софистики. По словам Тацита, свое рабочее время образцовый наместник Агрикола проводил в собраниях и судах (*conventus ac iudicia* – Agr. 9.3). Поскольку в мирное время судебные разбирательства были главной обязанностью наместника и основным способом решения стоявших перед ним задач¹⁹, разбор его деятельности следует начать именно с «судов».

Чтобы понять особенности поведения наместника во время заседаний, необходимо обратить внимание на то, где именно и в каких условиях они проходили. Как отмечал Т. Моммзен, едва ли не первым рассмотревший этот вопрос, судебные разбирательства в республиканском Риме велись в обстановке гласности и открытости, а трибуналы вершивших суд магистратов располагались на форуме и в базиликах. При империи гласность остается нормой судопроизводства, но вместе с тем как императоры, так и наместники нередко проводят судебные разбирательства не на форуме перед трибуналом (*pro tribunali*), а в закрытых помещениях – *auditoria* или *secretaria*, куда могли не допускать посторонних²⁰.

Но в каких именно случаях наместники могли отступать от признанной нормы? Или, говоря юридическим языком, какого рода дела они могли постоянно, а не в виде исключения, решать в порядке ускоренного судопроизводства (*de plano* – букв. «на ровном месте»)? Если исключить осуществляемую наместником *iurisdictio voluntaria*, не связанную с судебными спорами и не требующую в большинстве случаев судебного разбирательства²¹, то остается две основных категории дел, решавшихся *de plano*. Во-первых, это – незначительные преступления и гражданские тяжбы²². Во-вторых, это – дела воинов и заключенных²³, т.е. лиц, имевших особый статус, в силу которого они либо вообще не могли входить в гражданский коллектив какого-либо города, либо занимали в нем маргинальное положение²⁴. Очевидно, и среди тех, чьи дела

---

¹⁹ «Мне ... кажется, что обязанности по управлению Азией не особенно разнообразны, но все они в высокой степени поддерживаются судебной властью» (*Cic. Q. fr. I. 1. 20*. Пер. В.О. Горенштейна).

²⁰ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht*. Lpz., 1899. S. 358 ff.

²¹ Некоторые правовые действия, связанные с юрисдикцией такого рода, например, утверждение отпуска на волю взрослых рабов, могли совершаться даже не в помещениях, а «на ходу (*in transitu*)», когда наместник шел в баню или театр (*Gai. Inst. I. 20; D. 40. 2. 7*). Пользуясь случаем, выразить благодарность Е.В. Ляпустиной, обратившей мое внимание на эти свидетельства.

²² Ульпиан упоминает «незначительные преступления (*levia crimina*)», которые наместнику следует разбирать *de plano* (*D. 48. 2. 6*). Константин предписывает проконсулу Африки разбирать открыто и гласно (*publice*) все гражданские тяжбы и особенно те, которые вызывают наиболее широкий отклик (*quae fama celebriores sunt*) (*CTh. 1. 12. 1*). Валентиниан и Валент требуют от наместников, чтобы те не разбирали «в домашнем уединении (*in secessu domus*)» дела о статусе людей и наследственном достоянии (*CTh. 1. 16. 9*). Возможно, именно эти дела «вызывали наиболее широкий отклик».

²³ Тацит противопоставляет простое и незамысловатое лагерное правосудие (*castrensis iurisdictio secreta et obtusior*) хитроумию форума (*calliditas fori*), на котором наместник разбирает дела между гражданами (*inter togatos*). – Agr. 9. 2). По свидетельству Павла, производить суд над заключенными можно не только перед трибуналом, но и *de plano* (*D. 48. 18.18. 10*). В рескрипте Траяна указывалось, что праздники освобождают наместников от судебных разбирательств на форуме (*a forensibus negotiis*), но не от судопроизводства по делам воинов и заключенных (*D. 2. 12. 9; ср. D. 48. 1. 12. 1*). По словам Ульпиана, наместник может быть занят делами воинов, заключенных или судебными разбирательствами (*aut militariibus, aut custodiis aut cognitionibus*) (*D. 38. 15. 2. 2*).

²⁴ Во времена Республики тюрьмы предназначались для рабов, военнопленных и неграждан (*Nicolet C. The World of the Citizen in Republican Rome*. Berkeley – Los Angeles, 1988. P. 325), в период Принципата – для рабов и маргиналов. (*D. 48, 3, 1–3*).

относились к незначительным, подавляющее большинство составляли люди невысокого социального статуса²⁵.

Видимо, в провинциях, так же как и в самом Риме, нормальное, по римским понятиям, судопроизводство чаще всего было делом таких же нормальных, т.е. почтенных и зажиточных граждан²⁶. Для писателей, принадлежащих к этой среде, обычное рабочее место наместника – на трибунале в окружении огромной толпы²⁷. Не случайно юристы в числе прочих рекомендаций дают наместнику советы, как надо держать себя во время судебного заседания, чтобы не ронять свой авторитет в глазах окружающих²⁸.

Открытость и гласность судопроизводства в античном городе были, как известно, средством контроля граждан за деятельностью магистратов и других судей. Окружающие трибунал люди были не только зрителями, но в известной мере и участниками судебного разбирательства и могли своим поведением оказывать воздействие на его исход²⁹. То же самое можно сказать и о провинциалах, толпившихся вокруг трибунала наместника. По словам Филострата, знаменитый софист Адриан, обвинявшийся в убийстве, был оправдан в первую очередь потому, что в его защиту выступили собравшиеся на суд эллины, рыдавшие и обращавшиеся с мольбами к проконсулу (V. S. II. 10, p. 588). Когда епископ Поликарп, приведенный на суд другого проконсула, хотел выступить перед ним и убедить его в своей невиновности и правоте своей веры, тот ответил (имея в виду собравшуюся вокруг трибунала толпу) «убеди народ» (Euseb. H.E. IV. 22). Характерно, что в так называемом указе Константина об аккламациях, требующем от наместников проводить судебные разбирательства не в закрытых помещениях (in secretariis), а с трибунала, всем присутствующим предоставляли право с помощью общественных аккламаций (publicis adclamationibus) (доводившихся впоследствии до сведения императора) восхвалять справедливых судей и обвинять несправедливых (C.Th. 1. 16. 6; C.J. 1. 40. 3). Признание в этом указе права городского плебса на открытое выражение своего мнения (а фактически – права оказывать давление на наместников-судей) было прямым продолжением античной традиции³⁰.

Деятельность наместника не была совершенно бесконтрольной даже и тогда, когда он вершил суд «в закрытом помещении». Иногда доступ в зал суда был открыт всем желающим³¹. Но и в ином случае в судебном заседании все равно принимали участие граждане того города, где оно проходило. Ведь законную силу имели судебные решения, принятые наместником в присутствии его советников, в число которых входили не только подчиненные и «спутники» наместника, составлявшие его свиту, но

²⁵ Провинившихся в незначительных преступлениях наместник приговаривал к телесному наказанию (D. 48. 2. 6.), что свидетельствует об их невысоком социальном статусе. Мелкие тяжбы также, видимо, велись в основном людьми небогатыми и незнатными.

²⁶ Ср. *Sherwin-White A.N. Roman Society and Roman Law in the New Testament*. Oxf., 1963. P. 14; *MacMullen R. Roman Social Relations 50 BC to AD 284*. New Haven – London, 1974. P. 39 f.

²⁷ *Apol. Flor. 9*; *Apol. 28*; 44; *Tert. Apol. 1.1*.

²⁸ D. 1. 16. 9. 2; 1. 18. 19. 1. *Bonini R. I «Libri de cognitionibus» di Callistrato. Ricerche sull'elaborazione giurisprudenziale della «cognitio extra ordinem»*, Milano. 1964. P. 30.

²⁹ В своем проекте идеального государства Дион Кассий заявляет от имени Мецената (LII. 30. 2): «...Плебеи не должны обладать какой-либо властью ... Поэтому ... не следует и римскому плебсу собираться ни на судебные заседания, ни на избирательные комиции, ни на другие собрания подобного рода, на которых обсуждаются общественные дела». Таким образом, присутствие плебеев на судебных заседаниях рассматривается в одном ряду с их участием в работе комиций и свидетельствует, по мнению Диона, что они обладают властью и вмешиваются в решение общественных дел.

³⁰ *Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (По данным кодексов Феодосия и Юстиниана)*. Л., 1980. С. 127. Если не по закону, то по обычаю плебс пользовался этим правом и раньше (*Colin J. Les Exigences de la populace païenne dans la littérature grecque chrétienne du IIe siècle // REG*. 1965. 77. P. 330 suiv; *MacMullen R. Roman government's response to crisis AD 235–337*. New Haven – London, 1976. P. 78; *idem. Corruption and the Decline of Rome*. New Haven – London, 1988. P. 117 f.).

³¹ *Mommsen. Op. cit. S. 362*. Ср. *Millar. Op. cit. P. 230*.

также, как правило, самые богатые и влиятельные представители местных городских элит. (Ср. 7. 45. 6). Перечисляя достоинства идеального наместника, Филон упоминает, что тот разбирает важные дела с помощью людей, обладающих властью³². Прокуратор Иудеи Фест проводил в Кесарии предварительное судебное разбирательство по делу апостола Павла вместе со своими военными трибунами и «самыми выдающимися мужами полиса»³³. По словам Модестина, наместник, собираясь разбирать дела заключенных в провинциальном городе, должен пригласить в свой совет как всех мужей сенаторского ранга (*clarissimos viros*), так и всех адвокатов (*patronos causarum*), если они живут в этом городе (D. 48. 1. 12 pr.)³⁴. Видимо, адвокаты привлекаются не только как эксперты, хорошо ориентирующиеся в местных правовых обычаях и судебной практике, но и как «самые выдающиеся мужи» в городе после сенаторов³⁵.

Формально наместник, так же как и любой другой судья, не был обязан следовать мнению своих советников, но в силу обычая он должен был с ним считаться и стараться выносить свое решение на основе мнения совета (*e consilii sententia*)³⁶. Правитель, не считавшийся со своими советниками, рассматривался как тиран (*Ioann. Lud. De mag. I. 3. 6.*)³⁷. Наместник не мог игнорировать мнение своих местных советников также и потому, что только сотрудничество с «самыми выдающимися мужами» городов позволяло ему нормально выполнять свои обязанности по управлению провинцией³⁸ и быть спокойным за свою дальнейшую карьеру³⁹. О значении местных советников позволяют судить слова Диона Хризостома, заявившего после превращения его родной Прусы в центр судебного округа, т.е. в город, где вершит суд наместник, что его сограждане теперь сами себя судят, а не судятся перед другими⁴⁰.

³² «...ἔδῖκαε τὰ μεγὰ μετὰ τῶν ἐν τέλει» (*Philo. In Flac. I. 4.*).

³³ «...σὺν τε χιλιάρχοις καὶ ἀνδράσιν τοῖς κατ' ἐξοχὴν τῆς πόλεως» (*Acta Apost. 25:23*).

³⁴ Перевод дан с учетом конъектуры Т. Моммзена.

³⁵ В деятельности адвоката залогом успеха были «достойное социальное положение (*dignitas aliqua*) (D. 1. 16. 9. 4), а также, как правило, связанные с ним хорошая риторическая подготовка (*Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxf., 1969. P. 22 f.; 26 ff., MacMullen R. Roman social relations.... P. 107*) и покровительство наместников (*Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire. Camb., 1982. P. 150 ff.*). Не случайно Плутарх считает адвокатуру подходящим занятием для политика, добывающего верховенства в своем городе (Праес. г. р. ger. 805 В). Ульпиан советует наместнику проявлять во время суда терпимость к адвокатам, но с умом, так, чтобы не казалось, что им можно пренебрегать, а кроме того не позволять адвокатам быть зачинщиками и откупщиками тяжб (D. 1. 16. 9. 2). Здесь в качестве адвокатов явно выступают *viri potentiores* с присущими им наглостью и страстью к сутяжничеству. Все адвокаты, оставившие почетные надписи своим покровителям-наместникам принадлежали к верхам городской знати (*Saller. Op. cit.; Wilkins P.J. Legates of Numidia as Municipal Patrons // Chiron. 1993. 23. P. 200 f.*). Единственный известный нам адвокат, заседавший в совете наместника, – это знаменитый софист Полемон – человек неизмеримо богатый знатный и наглый. Во время суда над каким-то бандитом он подает наместнику шуточные советы, нарушая тем самым чинную атмосферу судебного заседания и демонстрируя свое пренебрежение к судье (*Philost. V. S. I. 25, p. 541*).

³⁶ *Mommsen. Op. cit. S. 149 f.; Garnsey P. The Lex Julia and Appeal under the Empire // JRS. 1966. 56. P. 177 ff.; Sherwin-White A.N. The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary. Oxf., 1966. P. 395, 541; Lintott. Op. cit. P. 57.*

³⁷ Характеризуя Тарквиния Гордого как тирана, Тит Ливий отмечает: «Он разбирает уголовные дела единолично, ни с кем не советуясь (*sine consiliis per se solus exercebat*), и потому (курсив мой. – А.С.) получил возможность умерщвлять, высылать, лишать имущества не только людей, подозрительных или неугодных ему, но и таких, чья смерть сулила ему добычу... Он первым из царей уничтожил унаследованный от предшественников обычай обо всем совещаться с сенатом и распоряжался государством, советуясь с домашними...» (I. 48. 4–5; 7. Пер. В.М. Смирнина).

³⁸ См. выше прим. 11.

³⁹ Тразей Пет, по словам Тацита, с возмущением отзывался о наместниках, заискивающих перед могущественными провинциалами и уподобляющихся под конец своего правления кандидатам на магистратуры, гонящимся за голосами (*Ann. XV. 21*). Следует учесть, что при Тразее соискатели магистратур в Риме гонялись за голосами сенаторов, а не рядовых граждан.

⁴⁰ *Dio Chrys. Or. 40. 10; Jones. Op. cit. P. 108.*

Разумеется, советники из местной городской знати использовали свое влияние прежде всего в собственных интересах, и именно поэтому разбор сколько-нибудь важных дел за закрытыми дверями мог вызывать негативную реакцию основной массы граждан⁴¹.

Во время открытых судебных заседаний «pro tribunali» наместник нередко должен был подвергаться разнонаправленному давлению как со стороны своих высокопоставленных местных советников, так и окружающих трибунал остальных граждан. Он должен был проявлять при этом немалый дипломатический такт. Плиний хвалит наместника Бетики Тирана за то, что тот повышает цену своего правосудия в глазах провинциалов своей большой обходительностью, в которой самое главное – привлечь к себе каждого почтенного человека и, будучи любимым маленькими людьми, в то же время пользоваться уважением первых людей города. Большинство же наместников, опасаясь показаться слишком угодливыми по отношению к могущественным лицам, приобретают славу недоброжелательности и даже злобности (Ер. IX. 5). Характерно, что Плиний упрекает наместников-судей не в том, что они пытаются кому-то угодить, а в том, что они не могут угодить сразу всем.

Существенная особенность юрисдикции наместника заключалась в том, что она не была разграничена с юрисдикцией городских магистратов⁴². Ульпиан отмечает, что «поскольку проконсул обладает всеобъемлющей юрисдикцией (plenissima iurisdictio), он один осуществляет (в провинции) полномочия всех лиц, которые в Риме вершат суд в качестве магистратов или в экстраординарном порядке, и нет в провинции такого дела, которое не мог бы решить он сам» (D. 1. 16. 7. 2; 1. 16. 9 pr). Применительно к провинциальному городу это означает, что наместник осуществлял – в числе прочих – также и полномочия местных магистратов и мог разбирать те же самые дела, что и они. И, судя по имеющимся свидетельствам, он действительно занимался делами подобного рода. К ним относились уже упоминавшиеся выше «легкие преступления» (D. 48. 2. 6), а также мелкие тяжбы⁴³. Светоний рассказывает, что, когда Гальбу назначили проконсулом Африки для наведения там порядка, он добился этого, проявляя величайшую заботу о строгом и справедливом разборе даже незначительных дел (in parvulis rebus)⁴⁴. Дублировать деятельность некоторых местных магистратов наместнику приходилось также и в делах, относящихся к его iurisdictio voluntaria⁴⁵.

Итак, в провинциальном городе наместник, как правило, исполнял свои обязанности судьи там же, где и местные магистраты, с помощью примерно тех же самых людей, и разбирая в числе прочих те же самые дела. Принимая свои решения, он так же

---

⁴¹ Нерон, согласно Тациту, в своей первой речи, произнесенной в сенате после прихода к власти, обещал, «отмежевываясь главным образом от того, что вызывало еще не заглохшее озлобление: он не станет единоличным судьей во всех судебных делах, дабы заперев в своем доме обвинителей и подсудимых, потакать, таким образом, произволу немногих могущественных» (Пер. А.С. Бобовича) (*Tac. Ann.* XIII. 4; *Millar. Op. cit.* P. 229). Дион Кассий, стремившийся в своем проекте идеальной монархии поставить императоров под контроль высшей знати (*Смышляев А.Л. «Речь Мецената»* (*Dio Cass. LII, 14–40*): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1) советует принцепсам от имени Мецената вернуть суд только с советниками из числа самых уважаемых и высокопоставленных сенаторов и всадников (*LII. 33. 3*) и вместе с тем не разрешать римскому плебсу присутствовать на судебных заседаниях (*LII. 30. 2*).

⁴² *Nörr D. «Imperium» und «Polis» in der hohen Prinzipatzeit. München, 1966. S. 33.*

⁴³ Так, например, по свидетельству Ульпиана, наместники (как и преторы в Риме) должны были разбирать иски кормилиц грудных младенцев по поводу причитающейся им платы (D. 50. 13. 14).

⁴⁴ В качестве примера Светоний приводит самоличную разбор Гальбой тяжбы о праве собственности на некое вьючное животное (iumentum) (*Galba. 7. 1–2*).

⁴⁵ К этой юрисдикции относились такие дела (решавшиеся в Риме только магистратами) как утверждение манумиссий, усыновлений и крупных сделок, назначение опекунов и попечителей и т.д. (*Jacques, Schied. Op. cit.* P. 182). В провинции эти вопросы могли решаться некоторыми местными магистратами (*Paul. Sent. 2. 25. 4; Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd I. 3 Aufl. Darmstadt, 1957. S. 156; Langhammer W. Die rechtliche und soziale Stellung der Magistratus municipales und der decuriones un der Übergangsphase der Städte von sich selbstverwaltenden Gemeinden zu Vollzugsorganen der spätantiken Zwangsstaates (2–4 Jahrhundert der römischen Kaiserzeit). Wiesbaden, 1973. S. 80 f.*).

должен был считаться с мнением и «самых выдающихся мужей» города и рядовых граждан.

Деятельность наместника «в судах» имеет определенное сходство с его деятельностью «в собраниях», к которым, очевидно, относились заседания городского Совета и народного собрания. В отношении первых особый интерес представляет фрагмент трактата Ульпиана «Об апелляциях», посвященный порядку подачи жалоб теми, кто был назначен магистратом против своей воли. «По большей части наместники, — пишет Ульпиан, — имеют обыкновение отсылать декурионам названного (ими человека), с тем, чтобы те сделали бы Гая Сея магистратом, либо наделили бы его какой-нибудь иной должностью или обязанностью. Следует ли в таком случае подавать апелляцию тогда, когда Совет вынесет свое постановление, или же апелляция должна быть подана в связи с отсылкой, сделанной наместником? Скорее следует подать апелляцию, когда Совет вынесет свое постановление, ведь наместник, по-видимому, скорее дал совет о том, кого надо сделать (магистратом), чем сам (это) постановил, поэтому апелляцию надо подавать самому наместнику, а не на него. Но и, если наместник, как это обычно происходит (*ut fieri adsolet*), был в Совете, когда тот назначал кого-либо (на должность), обращаться с апелляцией нужно будет к самому (наместнику), как если бы апелляция подавалась (только) на решение Совета, а не его самого» (D. 49. 4. 1. 3—4).

Процедуру, о которой сообщает Ульпиан, можно трактовать по-разному. По мнению У. Сестона, здесь имеются в виду два варианта одного и того же заседания городского Совета: в первом случае декурионы руководствуются письменным распоряжением наместника, а во втором — тот лично присутствует в курии и отдает распоряжения⁴⁶. А Ф. Жак считает, что речь идет о двух разных этапах выборов и соответственно заседаниях Совета: на первом происходит утверждение списка кандидатов (*nominatio*), а на втором — собственно выборы магистратов (*creatio*). Причем наместник, присутствующий на втором заседании, не имеет отношения к процедуре *nominatio*⁴⁷. Если принять эту трактовку, остается неясным, почему наместники имели обыкновение лично участвовать только в процедуре *creatio*, и почему вследствие их присутствия решение Совета оказывалось фактически решением самого наместника⁴⁸. Как отмечает сам Ф. Жак, ни у одного из авторов, кроме Ульпиана, нет указаний на четкое разделение процедур *nominatio* и *creatio*, а сами эти термины нередко используются юристами как синонимы⁴⁹.

Скорее всего отсутствие четкости в терминологии и при описании процедуры выборов связано не с беззаботностью или беспомощностью юристов классического периода, а с отсутствием унификации процедуры самих выборов в городах ранней Империи с их разнообразными местными законами, обычаями и порядками. Этим, видимо, объясняется и отсутствие свидетельств о широком распространении в эпоху Принципата процедуры выборов, включающей в себя два отдельных заседания Совета, разделенных определенным промежуток времени⁵⁰.

На мой взгляд, нет никаких оснований видеть в Ульпиане исключение из общего правила. Рисуя картину выборов в провинциальном городе, он, так же как и другие юристы, не выписывает ее во всех деталях, а дает в самом общем, «смазанном» виде. По всей вероятности, в нашем фрагменте говорится о двух вариантах одного и того же заседания, содержанием которого могло быть и утверждение кандидатов и назначение магистратов, и то и другое одновременно.

⁴⁶ *Seston W. Le décret de Digne et la fin de l'autonomie municipale en Occident // REA. 1962. P. 322 suiv.*

⁴⁷ *Jacques. Op. cit. P. 341 suiv.*

⁴⁸ В доказательство повсеместного распространения такой процедуры Ф. Жак приводит только свидетельства IV в. н.э. (СTh. XII. 1. 8; XI. 30. 19; *Jacques. Op. cit. P. 342*), т.е. эпохи, когда былые различия городских «конституций», обычаев и избирательных процедур в значительной мере сглаживаются.

⁴⁹ *Jacques. Op. cit. P. 341, 437.*

⁵⁰ О разнообразии городских «конституций» и процедур, связанных с выборами и назначениями на должности во II—III вв. н.э., см. *Langhammer. Op. cit. Pass.*

Но зачем вечно перегруженному делами наместнику⁵¹ нужно было постоянно посещать заседания городского Совета? По мнению У. Сестона, это связано с практикой эпохи Северов, заключающейся в постоянном вмешательстве наместников в работу городского самоуправления, в лишении городских властей какого-либо самостоятельного значения, что вело к фактической ликвидации городской автономии⁵². С такой трактовкой убедительно полемизирует Ф. Жак, отметивший во-первых, что, как следует из самого словоупотребления Ульпиана, речь идет не о нововведениях северовского времени, а об обычной давно устоявшейся практике⁵³, а во вторых, что в провинциях, включающих в себя, как правило, множество городов, наместники физически были не в состоянии подменять собою городские власти и, не имея собственного аппарата управления в городах, они вынуждены были, выдвигая своих кандидатов, пользоваться советами самих декурионов⁵⁴. Таким образом, в данном случае речь идет не о столкновении, а о сотрудничестве центральной и местной власти, о подкреплении мнения декурионов авторитетом наместника.

Как полагает Ф. Жак, наместник посещал те заседания курии, которые обещали быть особенно бурными, чтобы выступать там в качестве арбитра, разрешавшего споры и смягчавшего конфликты⁵⁵. Непонятно, однако, как, например, проконсул Азии и его легаты, регулярно посещавшие только 14 из без малого 300 городов своей провинции, могли поддерживать в ней мир и согласие подобными методами. По всей видимости, в данных условиях личное участие наместника и его легатов на заседаниях городских Советов должно было иметь в первую очередь церемониальный демонстративный характер. Обращаясь в Совете к декурионам с предложением утвердить своего кандидата, наместник действовал наподобие городского магистрата⁵⁶ и, так же как и в церемонии *adventus*, выступал в его роли⁵⁷. И если в первом варианте заседания принятое решение могло рассматриваться как волеизъявление двух разных инстанций: наместника и курии, то во втором – только одной: городского Совета в составе председателя-магистрата и декурионов. Именно поэтому личное присутствие наместника в курии создавало особую ситуацию, и Ульпиану пришлось специально отметить, что и в этом случае апелляцию нужно адресовать президу, «как если бы она подавалась (только) на решение Совета, а не его самого (*quasi ab ordine non ab ipso fiat appellatio*)».

Вероятно, участие наместника в заседаниях народного собрания также имело демонстративный характер. В Дигестах есть только одно (причем небесспорное) свидетельство подобного участия. В трактате «Мнения», приписываемом (но не принадлежащем) Ульпиану, говорится: «Если установлено, что дуумвир не был избран законным путем, но только потребован криками простонародья (*vocibus popularium postulatum*), а проконсул тогда согласился с ними, чего он не должен был делать, то апелляция в столь ясном деле является излишней» (D. 49. 1. 12). По мнению Ф. Жака, речь идет о каком-то конкретном случае⁵⁸ народной манифестации, связанной скорее

⁵¹ Не случайно императорские мандаты начинались с предписания наместникам заботиться о своем здоровье (*Luc. Pro lapsu int. salut. 13; Talbert R.J.A. Pliny the Younger as Governor of Bithynia-Pontus // Studies in Latin Literature and Roman History. V. II / Ed. C. Deroux. Bruxelles, 1980. Collection Latomus. V. 108. P. 421*).

⁵² *Seston. Op. cit. P. 323 suiv.; cp. Clavel-Leveque M., Leveque P. Villes et structures urbaines dans l'Occident romain. P., 1984. P. 190.*

⁵³ К этому можно добавить, что еще в начале правления Траяна Плиний упоминает (как о чем-то вполне обычном) о речи легата проконсула Африки в городском Совете Лептиса (Ер. II. 11. 23).

⁵⁴ *Jacques. Op. cit. P. 341 suiv.; cp. Jacques, Scheid. Op. cit. P. 180 suiv.*

⁵⁵ *Jacques. Op. cit. P. 343.*

⁵⁶ Как правило, по крайней мере с конца II в. н.э., выдвижение кандидатов на должности проводилось городскими магистратами (*Langhammer. Op. cit. S. 46 ff., 232 f.; Jacques. Op. cit. P. 442 suiv.*).

⁵⁷ Выдвижение наместником своего кандидата могло быть частью церемонии *adventus* (*Смышляев. Вступление наместника... С. 115*).

⁵⁸ Поскольку вместо общих терминов «наместник (*praeses*)» и «магистрат» используются конкретные «проконсул» и «дуумвир» (*Jacques. Op. cit. P. 384*).

всего не с выборами в народном собрании, а с представлением народу утвержденных курией кандидатов или же со зрелищами, на которых присутствовал наместник⁵⁹. Однако, если учесть, что именно требовал народ, то более подходящим обрамлением для этих требований выглядят скорее выборы, чем зрелища. По-видимому, этот инцидент произошел на народной сходке во время представления утвержденных Советом кандидатов или на заседании народного собрания⁶⁰.

Неюридические свидетельства участия наместника в заседаниях народного собрания не особенно многочисленны, но весьма выразительны. По сообщению Тацита, сразу же после провозглашения Веспасиана императором наместник Сирии Муциан сначала привел к присяге свои легионы, а затем в театре на заседании народного собрания Антиохии выступил с речью, «встреченной со льстивой восторженностью» (Hist. II. 80). Очевидно, его целью была демонстрация всеобщей поддержки нового императора. Вступление Гальбы в борьбу за императорскую власть также было связано с народной манифестацией. Громадная толпа, собравшаяся на форуме Нового Карфагена, провозгласила своего наместника императором, как только он появился на трибунале. После этого он выступил перед народом с речью (Plut. Galb. 5; Suet. Galb. 10. 1). Чтобы погубить проконсула Африки 69 г. н.э. Кальпурния Пизона Галериана, его противники подготовили карфагенян провозгласить своего наместника императором. «Доверчивая чернь... хлынула на форум, принялась шуметь, аплодировать и требовать, чтобы Пизон показался толпе» (Tac. Hist. IV. 49. 3. Пер. Г.С. Кнабе).

Характерно, что в городах западной половины Империи демонстрация всеобщей поддержки нового императора происходила не в театре (как в Антиохии), а на форуме, т.е. именно там, где проходили заседания народного собрания и народные сходки (contiones). Аккламации собравшейся на форуме толпы (требовавшей на этот раз не нового дуумвира, а нового императора) могли рассматриваться как волеизъявление народа.

Интересные сведения о наместниках в народном собрании имеются в речах Диона Хризостома – единственном дошедшем до нас от эпохи Империи образце ораторского искусства, связанного с повседневной политической жизнью⁶¹. Свидетельства Диона относятся к началу правления Траяна и посвящены событиям в его родной Прусе. Выступая в народном собрании, Дион напоминает слушателям о том, как проконсул, узнавший о выдвинутом оратором плане постройки портика в Прусе, по собственной инициативе созвал экклесию и зачитал там предложение в пользу этого проекта. Следом за ним сам Дион произнес речь в поддержку строительства. В итоге предложение было принято единогласно, вызвав всеобщий энтузиазм (Or. 45. 15–16). Здесь перед нами опять демонстрация всеобщего согласия и единства, причем проконсул участвует в ней в роли городского магистрата, в чьи обязанности входили и созыв народного собрания, и выдвижение проектов постановлений⁶².

Другая речь Диона, связанная с интересующим нас вопросом, также адресована народному собранию, созданному с разрешения проконсула впервые после перерыва, вызванного какими-то недавними неурядицами (Or. 48. 1). Дион собирается пригласить на заседание проконсула, чтобы экклесия могла выразить ему свою благодарность (Or. 48. 15), но прежде, чем это сделать, напоминает собравшимся, как им следует себя вести в присутствии наместника. Он внушает согражданам, что поскольку ни один здравомыслящий проконсул не созывает без крайней необходимости народ,

⁵⁹ Jacques. Op. cit. P. 384 suiv., 400 suiv.

⁶⁰ Выборы магистратов в народном собрании нередко сопровождались нарушением принятой процедуры и выдвижением «непригодных» кандидатов (C.Th. XII. 5. 1; Lepelley C. Les cités de l'Afrique romaine au Bas-Empire. T. 1. P., 1979. P. 142 suiv.).

⁶¹ Kennedy G. The Art of Rhetoric in the Roman World 300 BC–AD 300. Princeton, 1972. P. 574.

⁶² Следует учесть, что в городах Восточных провинций к тому времени уже утвердился западный обычай, в соответствии с которым выступать в народном собрании со своими предложениями могли только магистраты (Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ. V. I. Princeton, 1950. P. 640).

пребывающий в состоянии беспорядка, то не надо обманывать ожиданий наместника и отягощать его своими раздорами. Вместо этого необходимо, преисполнившись чувством дружбы и всеобщего согласия, выразить проконсулу свою признательность, приветствовать его аплодисментами и добрыми пожеланиями, воздать ему почести (Ог. 48. 1–2).

Таким образом, народные собрания и сходки, на которых выступает или должен выступать наместник, имеют одну общую особенность: они проходят в атмосфере всеобщего энтузиазма, сопровождаются аплодисментами и аккламациями, а все решения принимаются собравшимися гражданами единогласно.

Вряд ли эти особенности представляли собой случайные совпадения. Можно предположить, что заседания народного собрания, на которых присутствовал наместник, имели главным образом церемониальный характер. Их участники, демонстрируя (так же как и в церемонии *adventus*) свое единодушие и добровольное подчинение правителю, свое сплочение с ним, способствовали тем самым легитимации его власти, ее оформлению в соответствии с понятиями и представлениями граждан античного города⁶³. Именно поэтому наместник ведет себя на заседании народного собрания (или на народной сходке) подобно городскому магистрату.

Вероятно, так же как и публичные заседания суда, народное собрание с участием наместника могло использоваться для давления на него. Во время демонстрации всеобщего единства и согласия проконсулу, о котором упоминалось выше, очень нелегко было игнорировать «крики простонародья» и не согласиться с незаконным выдвиганием нового дуумвира.

Поведение наместников «в собраниях и судах» можно сопоставить с поведением не только городских магистратов, но и императоров эпохи Принципата. Характеризуя Адриана как образцового императора, Дион Кассий указывает: «Все самые важные и неотложные вопросы он решал с помощью сената, а суд он вершил с помощью первых людей... с трибунала, чтобы сделать общедоступным все происходящее (*ὄσπερ δημόσιεῦσθαι τὰ γυῖνόμενα*)» (LXIX. 7. 1)⁶⁴.

Современные исследователи вслед за Дионом Кассием отмечают, что выступления принцепса в сенате и в народном собрании (а чаще на народной сходке), суд с трибунала вместе с ведущими сенаторами и самоличное разбирательство в числе прочих массы повседневных рутинных дел характеризуют поведение «хорошего» императора в первые два столетия принципата⁶⁵. Причем, когда император оказывался в провинциальном городе, он посещал заседания городского Совета, вершил суд с трибунала с помощью «самых выдающихся граждан» этого города и самолично разбирал те же дела и решал те же вопросы, которыми занимался наместник провинции⁶⁶. Видимо, подобное поведение императоров и наместников имело в немалой степени демонстративный церемониальный характер и было связано с традиционной античной системой ценностей и с ожиданиями подвластных. Упрекая проконсулов Африки в отказе от открытого и гласного судопроизводства и нарушении принятых правил, когда дело касается христиан, Тертуллиан напоминает им: «Та держава, которой Вы служите, – это владычество гражданское, а не тираническое (*Nos imperium, cuius ministri estis, civilis non tyranica dominatio est*)» (Apol. 2. 14). Уподобление поведения наместников (и императоров) поведению магистратов было наглядным выражением этого «гражданского владычества».

⁶³ Ср. *Mac Cormack S.G.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley–Los Angeles–London, 1981. P. 18, 21, 46 ff., 64, 168 ff.; *Jacques*. Op. cit. P. 401.

⁶⁴ Ср. характеристику Веспасиана (LXV. 10. 5) и идеального правителя в «речи Мецената» (LII. 32. 1–2).

⁶⁵ *Millar*. Op. cit. P. 120 f., 229 ff., 368 ff.; *Talbert R.J.A.* The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. P. 163 f., 174 ff.; *Jacques*, *Schied*. Op. cit. P. 84 ff.

⁶⁶ *MacCormack S.G.* Change and Continuity in Late Antiquity; The Ceremony of *Adventus* // *Historia*. 1972. Bd 21. P. 723; *Millar*. Op. cit. P. 120 f.; *Halfmann H.* *Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich.* Stuttgart, 1986. S. 153 f.

Участие в различного рода «гражданских церемониях», решение мелких дел и дублирование в ряде случаев деятельности городских магистратов должно было значительно ограничивать и так не особенно большие возможности реализации римскими правителями их обширных властных полномочий, что способствовало в свою очередь длительному сохранению власти и влияния местных городских элит и институтов. Все это свидетельствует о важной роли античной гражданской общины, ее традиций и ценностей в эпоху ранней Империи.

*CIVILIS DOMINATIO: THE ROMAN GOVERNOR
IN A PROVINCIAL CITY*

A.L. Smyshlyaev

In the principate epoch governors of provinces in everyday language were often called magistrates (*magistratus*) and their power *magistratus imperium*. The aim of the article is to find out to what extent the behaviour of a governor at his working time, his *modus operandi* was determined by the perception of him as a magistrate and the expectations related to this as well, as to trace the impact of the above on the administration of his powers.

Drawing on the evidence of Roman lawyers, orators and writers of the 2nd–3rd c. A.D., the author points out that in a provincial city the governor fulfilled his duties in the same place as the city magistrates, and approximately in the same way. He had to personally sort out insignificant routine cases, which were also dealt with by local magistrates. He personally participated in the sittings of the city council and the popular assembly.

In the author's opinion this behaviour was to a considerable extent of demonstrative, ceremonial nature. It was also characteristic of the emperors of the principate epoch who demonstrated their loyalty to the values and traditions of the civic community. It was connected with the perception of the Roman Empire as a civilian, and not despotic sway (*civilis dominatio*) (Tert. Apol. 2. 14). Similarities in the behaviour of the representatives of the central power according to the established etiquette with that of the city magistrates and duplication in a number of cases of their actions tended to limit the not so big opportunities of the former to realize their extensive powers. As a result of this, the power and influence of the local city élites and institutions remained intact for a long time. These facts testify to the importance of the ancient civic community, its traditions and values in the Early Empire.